

фигур определяется сопряженностью с заглавием; конвергенцией с другими регулятивными средствами (тропами и стилистическими фигурами). В частности, регулятивные возможности *анжабе-мана* в поэтических текстах З. Гиппиус связаны с актуализацией данной стилистической фигурой определенных типов смысловых отношений в лексической микроструктуре текста (*усиление, контраст*); *парцелляции* – соотносительностью с сильными позициями текста, средствами графической

актуализации парцеллированной конструкции; своеобразием и оригинальностью порождаемых эстетических эффектов, свойственных данной стилистической фигуре только в конкретном тексте с учетом его семантики, прагматики. Конвергенция стилистических фигур как способ организации микро- и макроструктур текста способствует созданию афористичного стиля поэтического произведения, позволяет варьировать интонационный рисунок текста.

Литература

1. Гаспаров М.Л. Фигуры стилистические // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
2. Сковородников А.П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1980. № 5.
3. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических фигур. Ростов-н/Д., 1999.
4. Копнина Г.А. Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2001.
5. Копнина Г.А. Парцелляция // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.
6. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Стилистическая фигура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. М., 2003.
7. Голуб И. Стилистика русского языка. М., 2003.
8. Щербakov А.В. Градация как стилистическое явление современного русского языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Красноярск, 2004.
9. Смолина А.Н. Зевгматические конструкции в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2004.
10. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // Stylistyka: Stylistyka slowianska. Slavic Stylistiks. Вып. VII. 1998. Opole, 1998.
11. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
12. Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000.
13. Адамович Г. Одиночество и свобода: Литературно-критические статьи. СПб., 1993.
14. Журавлев А.П. Звук и смысл. Кн. для внеклассного чтения (VIII–X класса). М., 1981.
15. Фразеологический словарь русского языка: В 2 т. Т. 2: Н–Я / Сост. А.И. Федоров. Новосибирск, 1995.
16. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. П–Р / Под. ред. А.П. Евгеньевой. М., 1988.

Ю.Е. Бочкарёва

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕГУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ ВАРИАТИВНЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПОВТОРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИКИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ)

Томский государственный педагогический университет

В задачи статьи входит, опираясь на данные экспериментальных исследований, проанализировать регулятивную макроструктуру поэтического текста, а также регулятивный потенциал вариативных лексических повторов в аспекте читательского восприятия.

В русле коммуникативной стилистики художественного текста регулятивность рассматривается как «системное качество текста, заключающееся в его способности «управлять» познавательной деятель-

ностью читателя», как «качество, создающее функциональные условия возникновения образов, понятий, микросмыслов, лирических эмоций» [1, с. 228]. Из этого следует, что регулятивность художественного текста зависит от двух видов деятельности: автора, создающего коммуникативное сообщение, и читателя, воспринимающего его. Однако, если в аспекте первичной коммуникативной деятельности степень регулятивности художественного текста, т.е. его насыщенность различными типами и вида-

ми лексических регулятивов, – величина абсолютная, объективная, то в аспекте вторичной коммуникативной деятельности – величина относительная, так как, являясь объектом речемыслительной деятельности читателя, лексические регулятивы приобретают «нежесткий, открытый ассоциативно-образный характер» [2], и их воздействие (коммуникативный и эстетический эффект) может осознаваться читателями в разной степени. Таким образом, как отмечает Н.С. Болотнова, «только учитывая показания языкового сознания информантов, можно выявлять некоторые закономерности процесса восприятия и интерпретации художественного текста. Важен и контекстологический анализ, призванный объяснять рефлексию информантов относительно границ текстовых единиц в системной организации текста» [3, с. 18].

Проведенный нами анализ лирических стихотворений М.И. Цветаевой показал, что в лексическом структурировании поэтических текстов в парадигматическом и синтагматическом аспектах можно обнаружить ряд общих закономерностей смыслового развертывания текста, обусловленных эстетической природой художественного произведения и его коммуникативной ориентацией. В качестве единицы исследования нами выделяются вариативные лексические повторы (ВЛП) как средства регулятивности, которые создают условия для наиболее эффективного воздействия на читателя и активизируют его познавательную деятельность. Теоретической основой нашего исследования стали работы Н.С. Болотновой [3; 4; 5]; Н.В. Данилевской [6], Н.Г. Петровой [7; 8]; И.Н. Тюковой [9] и др.

ВЛП рассматриваются нами как особым образом организованная структурная единица текста, в рамках которой повторяющееся слово или сверхсловный элемент являются особенно важными в процессе текстообразования и восприятия текста, значимыми и на информативно-смысловом, и на прагматическом уровнях текста. В процессе текстового развертывания ВЛП как важное регулятивное средство «с точки зрения первичной деятельности соотносится с понятием «стимул», а с точки зрения вторичной деятельности – с «реакцией», коррелируя в сознании читателя с мыслительными структурами («микросмыслами», «микрообразами», «эмотемами», «элементами ситуаций» и т.д.) [4, с. 182].

Для объективизации исследования ВЛП как одного из средств организации познавательной деятельности читателя нами был проведен эксперимент.

В эксперименте, направленном на установление регулятивного потенциала различных ВЛП и определение целостной регулятивной макроструктуры отдельного текста, участвовало 110 человек – студентов 4–5 курса филологического факультета

ТГПУ. Выбор реципиентов был обусловлен достаточным уровнем их филологической компетентности. В качестве материала исследования было взято стихотворение М.И. Цветаевой «Обвела мне глаза кольцом...», написанное в 1916 г., входящее в цикл «Бессонница». В данном лирическом произведении представлены различные типы ВЛП, поэтому особенно интересен комплексный анализ его регулятивной лексической макроструктуры и особенностей восприятия информантами ВЛП разных типов.

Эксперимент должен был подтвердить гипотезу о том, что одним из эффективных способов организации регулятивной макроструктуры целого текста являются ВЛП.

Целью эксперимента являлся анализ лексической регулятивной макроструктуры поэтического текста и установление регулятивного потенциала различных типов ВЛП.

В задачи эксперимента входило:

- 1) определение основных функциональных характеристик регулятивов (прежде всего – лексических): их объема, границ, статуса и «регулятивной силы» – степени интенсивности рождаемого на их основе эстетического и прагматического эффекта;
- 2) выявление роли ВЛП как регулятивного средства в формировании регулятивных структур и способа регулятивности.

Для решения названных задач, в соответствии с методикой Н.С. Болотновой [3], информантам предлагались определенные задания.

1. В процессе чтения стихотворения нужно было выделить и пронумеровать текстовые фрагменты, выражающие относительно законченные смыслы/микросмыслы (общую смысловую программу автора или отдельные концептуально значимые микроцели/микротемы, авторское отношение к художественным реалиям и т.п.) и описать их в свободной форме; установить фрагмент (фрагменты), выражающие наиболее важную, концептуально значимую информацию (ответ нужно было мотивировать в свободной форме).

2. Оценить по пятибалльной шкале (от 0 до 5 – по возрастающей) выделенные фрагменты по двум параметрам: а) в плане их эстетической «информативности» – способности выполнять информативную функцию («сообщать» какие-либо сведения о фрагменте реальной или художественно воплощенной в тексте действительности) и б) с точки зрения силы их эмоционального воздействия – способности выполнять прагматическую функцию (вызывать тот или иной эмоциональный отклик, выражать авторское отношение к художественно воплощенному фрагменту действительности, общую эмоциональную тональность произведения).

Границы регулятивов вслед за Н.С. Болотновой определялись по функциональному признаку, т.е.

«на основе осознаваемой читателем соотнесенности соответствующих текстовых структур с предполагаемой микроцелью, которая на одном из этапов читательской деятельности работает на общее понимание текста, постижение его художественного смысла» [4, с. 182].

В исследованиях, выполненных в рамках коммуникативной стилистики текста, удачно используется методика шкалирования для определения «силы воздействия» («коэффициента экспрессивности») таких текстовых структур регулятивного типа, как информемы и прагемы [10, с. 127–138], а также при анализе коммуникативного и эстетического эффекта лексических регулятивов [7]. Данная методика основана на использовании шкалы оценок, т.е. «числового отображения совокупности объектов с помощью их усредненной групповой оценки» [11, с. 448].

В соответствии с целью данного эксперимента при помощи методики шкалирования была определена степень регулятивности как целого текста, так и регулятивных структур, основанных на ВЛП. Для этого использовались полученные данные о регулятивной силе текстовых структур – индивидуальные оценки, выставленные информантами выделенным текстовым фрагментам (баллы, отражающие степень их «информативности» и «эмотивности»).

По аналогии с «коэффициентом экспрессивности» [10, с. 128], «коэффициент регулятивности», или средний балл на условной шкале регулятивности по показаниям языкового сознания реальных адресатов, вычислялся путем компьютерной обработки данных (как и коэффициент регулятивности текстовых структур, он складывался из двух показателей – оценки «информативности» и «эмотивности»).

Обратимся к итогам данного этапа эксперимента.

При обработке ответов за основу была взята методика, разработанная Н.С. Болотновой [3, с. 16–28]. При выявлении инварианта результатов познавательной деятельности читателя учитывался фактор частотности – максимальное количество совпадающих в рамках выделенных текстовых структур ответов. Статус регулятивов (яркость/слабость, соотнесенность с элементами информативно-смыслового и прагматического уровней текста) устанавливался с учетом характера их коммуникативного потенциала, отраженного в читательских рефлексиях, а также среднего балла, отражающего степень их «информативности» и эмоционального «заряда» и определяющего информативную и/или прагматическую сущность лексических элементов текста [10, с. 127].

В задачи данного эксперимента не входило изучение границ регулятивных средств (прагем и ин-

формем), так как «чаще всего регулятивные средства в художественном тексте соотносятся одновременно с информативно-смысловым и прагматическим уровнями текста, являясь синкретичными» [4, с. 184].

В эксперименте приняли участие все 110 информантов, в результате было проанализировано более 420 текстовых фрагментов.

При обработке данных эксперимента был выявлен ряд общих закономерностей восприятия анализируемого текста М. Цветаевой. Так, 94 опрошенных из 110 определили, что сюжетная линия текста представляет собой разговор лирической героини с бессонницей. По мнению 20 реципиентов, весь текст условно делится на две части: первые четыре строки и остальной текст. Остальные 90 участников предлагают более фрагментарное деление текста.

В целом можно отметить относительную однотипность выделяемых читателями смысловых блоков. Так, 100 % опрошенных отмечают первые четыре строки текста (*Обвела мне глаза кольцом/ теневым – бессонница/ Оплела мне глаза бессонница/ Теневым венцом* (1–4 строки)), которые представляют собой регулятивную структуру, основанную на сочетании ряда ВЛП. Абсолютное выделение всеми реципиентами данной структуры свидетельствует о высокой регулятивной значимости данного фрагмента.

Образы бессонницы и теневого венца, являющиеся ключевыми для всего текста, находят свое отражение и в последних трех строках (*Сон – свят,/ Все – снят. / Венец – снят* (40–42 строки)), выделенных 90 % опрошенных. Именно на их основе в сознании читателей возникают ассоциаты смерти и сна.

Остальная часть текста также характеризуется относительной устойчивостью деления на смысловые блоки. Принципиальным отличием является лишь то, что одни информанты обобщают текстовые фрагменты в более крупные смысловые блоки, другие же детализируют, выделяют отдельные микросмыслы внутри более крупных.

Представим инвариантную модель смыслового восприятия данного текста (таблица 1).

Анализ инвариантной модели восприятия текста показал наличие ярких и слабых регулятивных структур. Так, к ядерной части интерпретационного поля текста относятся следующие фрагменты: первый (100 % ответов), третий (88 % ответов), шестой (94.5 % ответов) и восьмой (90 % ответов). Именно благодаря им читатель постигает идейный замысел автора.

Периферийную зону составляют 2, 4, 5 и 7 фрагменты. Однако даже между ними можно выделить наиболее яркие и слабые регулятивы. Исходя из

Таблица 1

Номер регулятивной структуры и соответствующий ей инвариантный смысл	Тестовый фрагмент	Строки	Количество информантов	%% информантов
1. Бессонница получила свои права на женщину. Что-то темное, плохое нашло отражение в судьбе, жизни человека. Страх перед неизвестностью. Создается впечатление замкнутости. Словно не только глаза «теневым венцом» обвела бессонница, но и «тенивое кольцо» на душе, на эмоциональном состоянии, на жизненной ситуации	Обвела мне глаза кольцом Теневым – бессонница. Оплела мне глаза бессонница Теневым венцом.	1–4	110 из 110	100 %
2. Начало монолога бессонницы. Бессонница раскрывает тайну женщины. Что-то связанное с колдовством. Ощущение провала, пустоты, недосказанности.	То-то же! По ночам Не молись – идолам! Я твою тайну выдала, Идолопоклонница.	5–8	37 из 110	34 %
3. Обвинение бессонницей женщины. Угроза.	Мало – тебе – дня, Солнечного огня! и Мало – меня – звала? Мало – со мной – спала?	9–10 и 15–16	97 из 110	88 %
4. Наказание за неповиновение. Теневой венец как кольцо, которым окольцовывают человека, его жизнь. Ограничение в действии.	Пару моих колец Носи, бледнолика! Кликала – и накликала Теневой венец.	11–14	53 из 110	48 %
5. Бессонница – это смерть. Предложение уснуть вечным сном. Образ смерти как облегчение от страданий. Бессонница будет отпевать женщину.	Ляжешь, легка лицом. Люди поклонятся. Буду тебе чтецом Я, бессонница: и Чтобы – спалось – легче, Буду – тебе – певчим:	17–20 и 25–26	74 из 110	67 %
6. Колыбельная песня. Уговоры уснуть. Попытка успокоить, заставить ни о чем не думать, уйти в какой-то другой мир, где ничто не тревожит и все хорошо. Бессонница как подруга женщине, как заботливая няня, мать. Возникает ощущение теплоты и радости.	– Спи, успокоена, Спи, удостоена, Спи, увенчана, Женщина. и – Спи, подруженька Неугомонная! Спи, жемчужинка, Спи, бессонная. И кому не писали писем, И кому с тобой не клялись мы. Спи себе.	21–24 и 27–33	104 из 110	94.5 %
7. Погружение в пропасть, откуда нет выхода. Душа успокоилась и отлетела. Мученица получает освобождение и успокоение.	Вот и разлучены Неразлучные. Вот и выпущены из рук Твои рученьки. Вот ты и отмучилась, Милая мученица.	34–39	56 из 110	50 %
8. Смерть женщины. Окончание мук.	Сон – свят, Все – спят. Венец – снят.	40–42	99 из 110	90 %

статистических данных, очевидно, что 5 фрагмент (67 % ответов), соотносимый читателями с микросмыслом «смерть» и коррелирующий с общим замыслом стихотворения, является промежуточным звеном между ядерной и периферийной зонами.

Анализ характера читательских интерпретаций показывает, что выделенные информантами текстовые структуры в большинстве случаев отражают не

только определенный «квант» эстетической информации (представление о теме, ситуации и пр.), но и авторское отношение к реалиям поэтического мира (представления об эмоциональной тональности фрагмента, об эмоциональном состоянии автора), что указывает на их синкретичность (корреляцию одновременно с информативно-смысловым и прагматическим уровнями текста).

Как уже отмечалось, в данном тексте представлено сложное взаимодействие ВЛП разных типов. В задачи нашего эксперимента входило определение роли и значимости ВЛП в интерпретационной деятельности читателя, наряду с анализом лексической регулятивной макроструктуры всего текста. Результаты эксперимента позволяют сделать вывод о том, что текстовые структуры, основанные на ВЛП, выделяются читателями как ключевые, относятся к ядерной части интерпретационного поля текста и в целом стимулируют познавательную деятельность читателя. Так, как уже отмечалось, все 100 % опрошенных выделяют первый фрагмент стихотворения (1–4 строки), основанный на сложном взаимодействии ВЛП разных типов.

Нельзя не отметить особенности третьего и шестого фрагментов. Основой для объединения ряда строк в общий смысловой блок является ВЛП. Именно ВЛП становятся основными для понимания общего смысла произведения. Таким образом, можно считать ВЛП яркими регулятивными структурами, значимыми для организации регулятивной макроструктуры текста в целом. При этом, как видно из ответов информантов, ВЛП в силу своего высокого регулятивного статуса являются *синкретичными* текстовыми единицами, соотносимыми одновременно с информативно-смысловым и прагматическим уровнями текста.

Таким образом, данные эксперимента указывают не только на наличие в макроструктуре текста ярких и слабых регулятивов, но и на разную степень эффективности способов их организации. Наличие в тексте регулятивных конструкций, основанных на ВЛП, и их сопряженность в перспективе текста определили специфику его регулятивной лексической макроструктуры.

Дополнительным доказательством информативно-прагматической сущности регулятивных структур, включающих ВЛП, является оценка степени их воздействия на информантов, представленная ими самими. Помимо определения коэффициента регулятивности целого текста, нами был определен коэффициент регулятивности отдельных регулятивных структур, входящих как в ядерную, так и в периферийную зону интерпретационного поля текста, которое представляет собой совокупность вербализованных инвариантных смыслов читателей. Так, обычно соотношение баллов обнаруживает гармоническое «равновесие» между «информативностью» и прагматическим «зарядом» текстовой структуры или небольшой перевес одной из сторон.

Для большей наглядности рассмотрим соотношение информативности и прагматичности выделенных читателями регулятивных структур и их коэффициент регулятивности в таблице 2. (В столбце «информативность/прагматичность» первая цифра

условно обозначает уровень информативности, вторая – прагматичности).

Как можно заметить, фрагменты текста, входящие, по мнению читателей, в ядерную зону интерпретационного поля, имеют более высокий коэффициент регулятивности, чем фрагменты, относящиеся к периферийной зоне. У всех фрагментов средний показатель уровня прагматичности несколько больше, чем уровень информативности (кроме третьего фрагмента, где наблюдается общность показателей). Возможно, это связано с высокой экспрессивностью, эмоциональной «надрывностью», традиционной для лирических произведений М. Цветаевой.

Опираясь на полученные данные (средние показатели уровней информативности и прагматичности), мы вычислили *коэффициент регулятивности целого текста* – он равен **3,7**. Интересным является тот факт, что, по данным комплексного эксперимента, проведенного И.Н. Тюковой [9] на материале стихотворения Б. Пастернака «Ты так играла эту роль...», был получен идентичный показатель регулятивности. Считаем такой показатель выше среднего, он свидетельствует о значительной степени регулятивности художественных текстов великих мастеров слова. В связи с совпадением коэффициента регулятивности текстов интересным представляется установление коэффициентов регулятивности текстов других авторов.

В целом проведенный анализ по выявлению инварианта читательского восприятия текста позволил сделать вывод о том, что как *вариативность* читательских интерпретаций, так и *инвариант* восприятия данного текста обусловлены не только экстралингвистически (общностью фоновых знаний информантов и пр.), но и лингвистически – самим текстом, характером и приемами организации регулятивных микроструктур, принципами построения его лексической макроструктуры. Так, например, первая регулятивная структура (1–4 строки), основанная на взаимодействии ряда ВЛП с доминантами *Бессонница* и *Теневого венец*, в процессе смыслового развертывания текста (в соответствии с принципом дополнительности и «законом смысловой избыточности») усиливается следующими за ней яркими регулятивами (см. 3, 6, 8 структуры), которые эксплицируют ранее скрытые смысловые признаки, такие как «смерть – вечный сон» и «теневого венец как кольцо смерти».

Таким образом, результаты эксперимента позволяют заключить, что одним из основных способов организации лексической регулятивной макроструктуры данного текста является ВЛП. Степень эффективности избранных автором способов регулятивности текста, принципы его словесно-художественного структурирования обуславливаются

Таблица 2

Текстовый фрагмент, № строк	Средние показатели соотношения уровней информативности и прагматичности текста	Коэффициент регулятивности
1. Обвела мне глаза кольцом Теневым – бессонница. Оплела мне глаза бессонница Теневым венцом. (1–4 строки)	3.8/ 4.5	4
2. То-то же! По ночам Не молись – идолам! Я твою тайну выдала, Идолопоклонница. (5–8 строки)	2.6/ 2.8	2.7
3. Мало – тебе – дня, Солнечного огня! (9–10 строки) и Мало – меня – звала? Мало – со мной – спала? (15–16 строки)	3.6/ 3.6	3.6
4. Пару моих колец Носи, бледноликая! Кликала – и накликала Теневой венец. (11–14 строки)	3.2/ 3.4	3.3
5. Ляжешь, легка лицом. Люди поклонятся. Буду тебе чтецом Я, бессонница: (17–20 строки) и Чтобы – спалось – легче, Буду – тебе – певчим (25–26 строки)	3.4/ 3.6	3.5
6. – Спи, успокоена, Спи, удостоена, Спи, увенчана, Женщина. (21–24 строки) и – Спи, подруженька Неугомонная! Спи, жемчужинка, Спи, бессонная. И кому не писали писем, И кому с тобой не клялись мы. Спи себе. (27–33 строки)	4/ 4.5	4.2
7. Вот и разлучены Неразлучные. Вот и выпущены из рук Твои рученьки. Вот ты и отмучилась, Милая мученица. (34–39 строки)	3.1/ 3.7	3.4
8. Сон – свят, Все – спят. Венец – снят. (40–42 строки)	4.2/ 4.7	4.5

сопряженностью регулятивных структур как «опорных элементов его смысловой и прагматической интерпретации» [4, с. 181].

Проведенный эксперимент позволил уточнить статус, границы, регулятивную силу текстовых структур (регулятивов). Было определено, что имеющиеся в тексте ВЛП определяются читателями как ядерные регулятивные структуры, значимые в процессе интерпретационной деятельности. Одним из способов организации лексической регулятив-

ной макроструктуры данного текста является ВЛП, который определяет эстетический эффект данного произведения.

В целом экспериментальное исследование специфики лексической регулятивной макроструктуры конкретного текста (стихотворения «Обвела мне глаза кольцом...») и анализ регулятивной функции ВЛП подтвердили предположение о высоком регулятивном потенциале ВЛП в процессе познавательной деятельности читателей.

Литература

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. Ч. III: Структура текста. Текстобразующие возможности языковых единиц. Факторы текстообразования. Томск, 2005.
2. Болотнова Н.С. Современное состояние культуры речи и основные направления развития речевой культуры педагога // Проблемы развития речевой культуры педагога: Мат-лы регионального научн.-практ. семинара (28–29 нояб. 1997). Томск, 1997.
3. Болотнова Н.С. О соотношении прагмем и информем в поэтическом тексте как форме коммуникации (по данным экспериментов) // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: Мат-лы II Всерос. научн.-практ. конф. (11–12 октября 2001) / Под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2001.
4. Болотнова Н.С. О теории регулятивности художественного текста // *Stylistyka: Stylistyka Slowianska – Slavic Stylistics*. Вып. VII. 1998. Opole, 1998 [в].
5. Болотнова Н.С. Художественный текст как объект лингвосмыслового анализа в свете теории регулятивности // Лингвосмысловый анализ художественного текста: Мат-лы VI регионального научн.-практ. сем. (25 апреля 2003) / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2003.
6. Данилевская Н.В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь, 1992.
7. Петрова Н.Г. К вопросу об использовании экспериментов в изучении лексических регулятивов // Лингвосмысловый анализ художественного текста: Мат-лы VI регионального научн.-практ. сем. (25 апреля 2003 г.) / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2003.
8. Петрова Н.Г. Регулятивность и ее особенности в поэтических текстах К.Д. Бальмонта // Художественный текст и языковая личность: проблемы изучения и обучения: Мат-лы II Всерос. научн.-практ. конф. (11–12 октября 2001) / Под общ. ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2001.
9. Тюкова И.Н. Коммуникативные универсалии и их лексическое воплощение в лирике Б.Л. Пастернака (на материале книги «Сестра моя – жизнь»). Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.
10. Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.
11. Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., 1990.
12. Болотнова Н.С. Изучение идиостиля в коммуникативно-деятельностной аспекте // Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.В. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль / Под ред. проф. Н.С. Болотновой. Томск, 2001.

О.В. Орлова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ: ПРИНЦИПЫ РЕГУЛЯТИВНОСТИ

Филиал Российского государственного социального университета в г. Томске

В настоящее время тезис о принципиально интерактивной природе текстовой деятельности, не существующей вне диалога творца текста и реципиента, приобрел статус аксиомы – непреложной методологической предпосылки любого гуманитарного исследования, аспектирующего вербальные проявления человеческой жизнедеятельности.

Несмотря на основательную разработанность проблемы фактора адресата в современной лингвистике, стилистике и теории коммуникации (текст с позиции отраженного адресата изучается в рамках психолингвистики, лингвопрагматики, герменевтики, стилистики декодирования, принципиально позиционирующей себя стилистикой от адресата, коммуникативной стилистикой и др.), немислимая ранее высочайшая степень информационной, а следовательно, текстовой насыщенности современного социокоммуникативного пространства требует новых объяснительных подходов к исследованию феномена познавательной деятельности адресата речевых произведений разного типа.

Одной из таких объяснительных концепций, могущих, на наш взгляд, ввиду стройности и логичности понятийно-терминологического аппарата, релевантности методологических приемов и исследовательских процедур, стать «проводником» в тайны текстовой деятельности посредством анализа текста во всей совокупности детерминирующих его лингвистических и экстралингвистических факторов, является теория регулятивности (см. [1–5]).

Теория регулятивности – одно из ведущих направлений интенсивно развивающейся коммуникативной стилистики художественного текста, «основанное на рассмотрении регулятивности как системного текстового качества, отражающего способность текста, воздействуя на читателя, направлять его интерпретационную деятельность» [5, с. 31]. Считаем, что применение основополагающих принципов теории регулятивности будет плодотворным и результативным при изучении, наряду с художественными, текстов иной коммуникативной природы, в частности – рекламных.